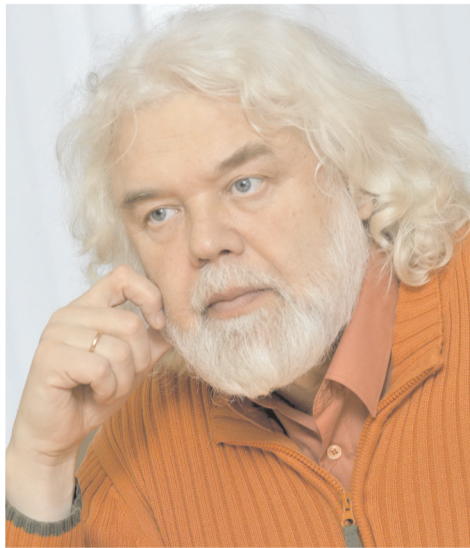

Игорь ТЮЛЕНЕВ

К 75-летию Юрия Кузнецова

Так говорил Поликарпыч...

Разве я думал, что так скоро понадобятся мне записанные разговоры, а точнее — беседы с Юрием Поликарповичем? Этого не должно было случиться так быстро! У поэта была мощная родословная и крепкая русская кость. Старшая сестра Валентина, ныне живущая в Новороссийске, при встречах светилась упругой жизненной силой. Отец поэта, скорее всего, прожил бы долго, если бы не погиб на войне. А мать умерла не так давно. Да и в кругу домочадцев поэт не раз повторял, что род кузнецовский крепкий. И не бесновательно. Сам он почти никогда не болел. Только на Кубе, где во время Карибского кризиса выполнял интернациональный долг, вдруг ни с того ни с сего стал худеть. Потом как-то всё прошло.

Я помню ночь
с континентальными ракетами,
Когда событием души был каждый шаг,
Когда мы спали по приказу
нераздетыми,
И ужас космоса гремел в ушах у нас.

Это из кубинских стихов Кузнецова. Или:

В ночь росы прогибаются ветви.
Мои губы и память, как лёд.
А погибну на самом рассвете,
Пальма Кубы меня отпоёт.

Командиры придут попрощаться,
Вытрет Кастро горошины с глаз.
Как мальчишка, заплачу от счастья,
Что погиб за народную власть.

Правда, погиб не за Фиделя, а за нас с вами... Сын офицера, погибшего во Вторую мировую, Юрий Кузнецов стоял на пороге атомной войны и оставил нам гениальную «Атомную сказку»...

От чужих и чуждых людей, от чуженинов Юрий Кузнецов задраивал все люки своей души и погружался, как на подводной лодке, в океан русского космоса, где он чувствовал себя как рыба в воде. Погружаясь в свой мир, тут же навсегда забывал тех, имя кому легион.

Авторитет поэта даже среди врагов был непререкаем. Хотя не только враги, но и целые народы порой обижались на поэта. Как-то в Варшаве его спросили, что он может сказать о польской литературе в контексте великой мировой. На что поэт ответил, что великую литературу может создать только великий народ...

Когда 17 ноября 2003 года раздался звонок из Москвы и друзья сообщили мне о смерти Юрия Кузнецова, я просто-напросто отшвырнул от себя, как летящий в меня камень, эту страшную весть. Я не поверил в неё! Я не мог поверить в это! Поликарпыч был золотым стержнем русской поэзии, её Александрийским маяком, который выдержал все землетрясения дикой перестройки. Нечеловеческую пустоту ощутило моё сердце, а душа — беспросветное одиночество. И всё это стало расходиться,

как волны, огромными кругами, обнажая на пути безжизненные (в тот момент для меня) грады и веси...

Познакомил меня с Кузнецовым кто-то из московских поэтов: то ли Олег Кочетков, то ли Коля Дмитриев. Конечно же, и до этого я знаком был с его нашумевшими на все «великие штаты СССР» стихами. Да ещё так нашумевшими, что Евушенко, обласканный со всех сторон критикой, правительствами и читающей публикой, — выговаривал, что Юрию Кузнецову досталось столько критических статей, сколько не выпало всей поэтической плеяде шестидесятников (Ахмадулиной, Вознесенскому, Рождественскому и естественно, самому Евушенко). Мне кажется, что он, конечно же, преувеличивал внимание общественности к творчеству Кузнецова. Но сейчас даже мне, свидетелю тех литературных баталий, трудно поверить, что столько добрых и недобрых слов и статей в короткий промежуток исторического времени было сказано и написано о Мстере!

И вот мы отправились в гости к гению, правда, о том, что Кузнецов — гений, мало кто ещё знал в России, но мы хотя бы догадывались.

На базаре сороки-воровки
Не болтают про те времена,
Как я жил
на Большой Серпуховке
На кошмарах и ступе вина.

Что за думы
на крюк попадались!
Что за сети ловили мой дух!
Что за твари на шею кидались!
Что за бури тягчили мой слух!

За стеною кричала старуха,
И таилась у самых дверей,
Напрягая отвислое ухо,
Человек непонятных кровей...

Встретил нас Кузнецов радушно. Пригласив на кухню, Поликарпыч стал доставать из холодильника всевозможную снедь. Был он хлебосольным хозяином. Мы с товарищем сидели, как воробы, случайно залетевшие в гнездо Орла Поликарпыча...

Да, это была уже не коммуналка на Большой Серпуховке! Это был уже широкий Олимпийский проспект. Трёхкомнатная квартира на высоком этаже. С кабинетом, в котором стояло старинное пианино с серебряными струнами, а на нём — портрет погибшего в Крыму отца поэта.

На этом пианино в один из наших походов к поэту будет играть «К Элизе» Бетховена младшая дочурка поэта, Катя, «отрада души», как тогда её называл любящий отец.

Кому отец родной, а кому страх Божий!
«В нижнем буфете (ЦДЛ) меня окликнул мрачный поэт Юрий Кузнецов. Поэты его побаивались», — так написал в своём рассказе «Новорусская премия» мой земляк по соседней губернии Володя Крупин. И он прав, но не во всём. Ровесники боялись поэта, а молодые благоговели перед ним. Жаль, что не всегда соблюдали «благоговейную тишину», как было написано на табличке в одном московском храме у метро «Сокол».

Да и мы с немногими друзьями, верными его оруженосцами, приходили к нему не для того, чтобы напиться с гением, а чтобы посидеть поблизости от громовержца российской словесности. Посмотреть туда, куда направлял он свой могучий взор... Вот и Владимир Личутин вспоминал недавно, что ему достаточно было с Поликарпычем

посидеть рядом и помолчать. Потому что не знал прекрасный русский прозаик, о чём говорить с великим русским поэтом... Да это и не нужно было, как если бы ты сидел рядом с уральским утёсом или столетним кедром.

Может быть, чаще других я встречался с Юрием Кузнецовым, учился у него на ВЛК и был старостой семинара, бывал с семьёй у него в гостях, оставался с ночёвкой, да и он бывал у меня в гостях на Урале. Случалось,

что ночи напролёт беседовал с ним, вернее, слушал его монологи, и всё равно поэт оставался для меня и утёсом, и кедром, и отцом, и старшим братом. И, как Личутин, я бы мог сидеть рядом с ним и молчать часами, да только мой темперамент не позволял быть терпеливым.

В 2001 году в Перми готовился четырёхдневный Форум пермской книги. В нашем городе собирались литераторы, издатели, библиотекари со всего Приволжского округа. И я, конечно же, пригласил своих друзей, и в первую очередь Юрия Кузнецова.

И вот Юрий Поликарпович вступил на платформу железнодорожной станции Пермь-П, которую когда-то освобождал адмирал Колчак. Так поэт первый раз попал на Урал. Разместили мы его в шикарной для Перми гостинице, где жила известная баскетбольная команда «Урал-Грейт». Номер был с джакузи и белым махровым халатом. На мои восторги по поводу джакузи Юрий Поликарпович сказал: «Можешь, Игорь, приходить утром и отмокать в ней с похмелья».

Свезил я поэта в Хохловку — этнографический музей под открытым небом, где собраны были уральские солеварни, амбары, мельницы, сторожевые башни, пожарные колокольни и дома коми-пермяков. Стояла золотая, не последняя осень поэта. Холм, на который взбежала Хохловка, взлетал над Камой, как девятый вал, а когда Юрий Кузнецов встал на вершину, то холм и вал тут же превратились в поэтический Олимп.

Потом неожиданно вдруг закапал дождик, и мы с Поликарпычем напрямки стали пробираться мимо лабазов и охотничьих домиков к моей машине, чтоб укрыться в ней от будущего ливня. От

ливня-то мы спрятались, а вот кое от кого спрятаться не удалось. Некоторые обиженные местные «литераторы», не приглашённые участвовать в форуме, (на всех графоманов мест не наберётся!), разразились статьей «Для провинции сойдёт...» в пермском приложении «Аргументов и фактов», где досталось и мне, и организаторам, что понятно, и Кузнецову, что непонятно. Зато в Москве вышла большая статья «Заметки с Пермского форума книги», да ещё и с фотографией поэтов с Юрием Кузнецовым в центре.

Через год в Перми попытались возродить традицию пермской книжной миниатюры, и меня пригласили быть составителем сборников поэзии. Здесь стоит вспомнить, что самой первой миниатюрой, изданной в городе, была книга стихотворений Василия Каменского размером со спичечный коробок. А один из сувенирных томиков «Пермской ленинианы» космонавты Романенко и Гречко брали с собой в космос. Так как пермская миниатюра была связана с поэзией и космосом, то я предложил начать эту серию со стихов Юрия Кузнецова.

Кто из современных поэтов более космичен?! С Поликарпычем мы решили издать в этой серии только его стихи о любви. Как он мне сказал, ни у Пушкина, ни у Лермонтова нет столько стихов о любви. Я, не мудрствуя лукаво, так и написал в предисловии к сборнику «Любовной лирики», в которую вошло более ста стихотворений.

Книга Юрию Поликарповичу понравилась, а я заслужил тёплый автограф. «Игорю Тюленеву, приложившему руку к изданию сей книги. Благодарный Юрий Кузнецов. 2 декабря 2002 года». Так поэт ещё раз побывал в нашем городе не личным присутствием, но

стихами.

Последний раз Кузнецов приезжал в Пермь на мой «золотой» юбилей — 31 мая 2003 года. Много в юбилейной афише светились известных московских имён, а приехал только он один. Как писал когда-то поэт в своей шуточной эпиграмме: «Звать меня Кузнецов. Я один. Остальные — обман и подделка».

На моём юбилее Юрий Кузнецов не пил, потому что воздерживался от спиртного уже несколько лет, но в его гостиничном номере, где за дружеской беседой незаметно наступило утро, пригубив из рюмки коньяку, вдруг сказал мне или моему поколению:

— А битву мы уже проиграли бесповоротно!..

— Нет! — рявкнул было я...

— Молчи, ты ничего не знаешь. Проиграла, — выдохнул он горько и замолчал надолго.

Потому что он видел то, что увидят, быть может, только наши дети. Не зря же говорил постоянно, что стихи его поймут лет через пятьдесят... И ещё он сказал, что сюда уже никогда больше не приедет.

Последний раз я встречался с Кузнецовым в Москве, в «Нашем современнике». Поговорили недолго, обнялись и расстались, как оказалось, уже навсегда...

И если бы (как думал Кузнецов) мы проиграли битву, Вседержитель отвернулся бы от нас. Ведь поэзия — это как ступень сверхракеты, которая выносит её на орбиту Духа! Без поэзии нет народа. И поэты, тем более великие, не имеют права проигрывать битву за русские души!

Кричу уже в спину ушедшего Поликарпыча: «Ведь ты сам писал: "Друзей любил для их души, врагов для Бога ненавидел"». Но нет ответа...